

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Автор доказывает, что феномен социально ориентированного предпринимательства — явление интегрированного либерального общества; несмотря на это, отсчет деловой активности человека можно вести из самой глубины веков. «Эгоистический интерес» индивида как субстрат предпринимательства — это не только имеющая место страсть Ното есопотісис (человека экономического) к приобретательству, «страсть к наживе», это еще и сложный комплекс этико-психологических и онтологических качеств, первым из которых следует считать удовлетворение индивида. Данное интегративное качество способно проявляться в самых разнообразных формах индивидуального поведения и социального действия. Автор анализирует историю развития предпринимательства и параллельно с ним экономической и социальной науки от средневековья до наших дней. В статье соотносятся понятия «предпринимательство» и «управление» («менеджмент»). Автором анализируются причины имеющегося в обществе «квазипредпринимательства» как асоциального стремления к наживе. Делается вывод, что «социально ориентированный индивидуализм» — сущностная черта деятельности предпринимателя. Важнейшими из предпринимательских черт являются творческое новаторство (неизменно связанное с риском), ответственность за принимаемые решения и последствия своей творческой деятельности. Эти качества предпринимательства проявляются как профессиональные. Важнейший субстрат предпринимательства — весомая осязаемость обществом всей инновационной предпринимательской деятельности.

1. Генезис предпринимательства.

Отсчет деловой активности человека можно вести из самой глубины веков. Нетрудно представить, что экономические интенции индивида, улучшающие его благосостояние, проявлялись на самой заре предчеловека; это в итоге сформировало и самого человека. Прибавочный продукт и разделение труда породили новое качество общественных отношений — рынок¹ как отделение производителя от потребителя. Со временем «эгоистический интерес»², ставящий цели и задачи экономического и в целом социального поведения индивида, стал центральным понятием экономической науки, переходя оттуда в социологию и социальную философию и далее — в

обыденное сознание. Последнее определило и другие обостряющие восприятие феномены деловой активности человека как логическое продолжение «эгоистического интереса» — «приобретательство» индивида, якобы порождающего в итоге его неизменную «страсть к наживе».

Являются ли эти феномены главными чертами, основными качествами предпринимательства?

«Безудержное, свободное от каких бы то ни было норм *приобретательство* существовало на протяжении всего исторического развития, капиталистическое предпринимательство было известно всем хозяйственным системам, где существовали *имущество* денежного характера и возможность использовать его для получения прибыли», — утверждает

Макс Вебер³. Итак, понятия имущество, приобретательство, выделенные нами курсивом в цитатах Вебера, — все это имеет объединяющие названия: *владение*⁴, *собственность*⁵, которые и ведут в итоге к *богатству*.

Мы восхищаемся именами богатейших семейств, считая: они — самые удачливые предприниматели мира, достигшие неслыханных богатств. Дюпоны и Ротшильды, Морганы и Рокфеллеры сделали образцами счастья и удачи в массовом сознании людей.

Но вчитаемся в Вебера. «...Как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны, — подчеркивает немецкий социолог, — не они определяют, какой хозяйственный дух господствует в ту или иную эпоху». «Они всегда стояли и стоят «по ту сторону добра и зла», — говорит он. «И не они, что самое главное, — резюмирует Вебер, — были творцами и носителями специфически западного буржуазного "духа"»⁶.

Итак, не легендарные миллиардеры были творцами и носителями «буржуазного духа». Дух пуританизма (протестантской аскезы) — вот подлинный прародитель современного социально ориентированного, нравственного предпринимательства. Этот решающий духовный сдвиг совершался не отважными авантюристами, которых мы встречаем на протяжении всей экономической истории, а людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, со строгими принципами бюргерской морали⁷. Капитализм по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику и связанные с ними возможности наживы. Нас интересует возникновение буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией свободного труда, а в культурном аспекте — возникновение социального типа буржуа во всем его этическом своеобразии⁸.

Предпринимательство до уровня современного «духа» дошло явно не сразу. Формировалась этика, разнообразились методы легитимной наживы, а вместе с ними поднималась управленческая, экономическая наука, менялось общественное сознание, в котором религия играла во многом определяющую (как положительную, так и негативную) роль. Как это было? Не все известно доподлинно. Но античность, идейный фундамент которой дорог каждому современнику, оставила достаточно тому свидетельств.

Насилие и постыдная жажда наживы надругаются над справедливостью⁹. Так утверждал еще живший в начале VII века до н. э. греческий мыслитель Гесиод, современник Гомера, в своей поэме «Труды и дни» — энциклопедии своего времени¹⁰. «Надежда на нечестную прибыль — начало убытка», — такой этический аспект можно обнаружить и у Демокрита¹¹. Итак, в основе предпринимательства лежит якобы одна лишь жажда наживы (собственности, прибыли), несущая с собой в этот мир печаль, насилие, несправедливость. Первые *теоретические* нападки на собственность обнаруживаются уже в «Государстве» Платона (427–347 гг. до н. э.)¹², «проложившем дорогу, — как отмечает Пайпс, — всем последующим утопиям»¹³. Есть множество свидетельств тому, что «в Афинах существовала высоко развитая система частной собственности»¹⁴, чем и объясняется внимание, которое уделяли этому вопросу греческие философы. Аристотель (384–322 гг. до н. э.) был, вероятно, первым экономистом своего времени. В «Политике»¹⁵ он оспорил видение «идеального государства» Платоном. Институт частной собственности он считал положительной силой, хотя и признавал, что неравенство в распределении богатства ведет к общественным распрям¹⁶, но лучшим средством погашения разногласий считал образование, а не упразднение собственности¹⁷. Обладание собственностью, предпринимательское стремление к богатству, отмечал Аристотель, поднимает человека и на новые нравственные высоты. «При

общности имущества для благородной щедрости, очевидно, не будет места, и никто не будет в состоянии проявить ее на деле, так как щедрость сказывается именно при возможности распоряжаться своим добром», — подчеркивал он¹⁸.

Аристотель, этот выдающийся мыслитель, был, конечно же, и сыном своего времени. Естественным ему представлялось рабство. Более того, в некотором смысле он был консерватором. Ему не нравилось развитие торговли и денежных отношений в Греции того времени. Идеалом его было небольшое земледельческое хозяйство, разумеется, с рабами. Именно оно должно обеспечить себя практически всем необходимым, а чуть недостающее можно получить путем «справедливого обмена» с соседями. Заслуга Аристотеля состоит, однако, в том, что он первым выявил некоторые категории экономической науки и в известной мере показал их взаимосвязь.

Если мы, отмечает В. А. Аникин, сравним собранную из фрагментов «экономическую систему» Аристотеля с пятью первыми разделами «Богатства народов» Адама Смита, то обнаружим поразительную преемственность мысли¹⁹. Интересна яркая идея Аристотеля о противопоставлении экономики и *хрематистики* как первая научная попытка анализа капитала. Придуманый им термин, не утвердившийся в веках, в отличие от «экономики», Аристотель производил от слова «*хрема*» — имущество, владение. Для него экономика — это естественная хозяйственная деятельность, связанная с производством необходимых для жизни продуктов. Что же тогда представляет собой «хрематистика»? Это «*искусство наживать состояние*», говорит он, то есть деятельность, направленная на извлечение прибыли, накопление богатства, особенно в форме денег. Иначе говоря, хрематистика есть искусство деловой предпринимательской деятельности, искусство вложения, применения, накопления капитала.

Промышленного капитала в античном мире не было, но не малую роль уже иг-

рал капитал торговый и денежный, тогда почти исключительно ростовщический. Его так изображал Аристотель: «...В искусстве наживать состояние, поскольку оно сказывается в торговой деятельности, — писал он, — никогда не бывает предела в достижении цели, так как целью-то здесь оказывается беспредельное богатство и обладание деньгами... Все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить свои капиталы до бесконечности»²⁰. Далее Аристотель говорит о естественности экономики и противоестественности хрематистики. Но Аристотель был человеком достаточно реалистичным, чтобы видеть невозможность «чистой экономики»: из экономики непрерывно вырастает хрематистика, говорит он. Мы сказали бы, что из хозяйства, где продукты производятся как товары для обмена, неизбежно произрастают капиталистические отношения как социальное явление с присущим именно, и только им, этим отношениям, свободным предпринимательским духом.

«Хрематистика» вскоре породила и своих героев. Не все имена дошли до нас, но позже некоторые стали даже нарицательными. Во всяком случае — в эпоху Рима. К примеру, всем известно слово «меценат», но, вероятно, не каждый знает, что это — имя конкретного человека, родившегося в 69 году до н. э. Меценат, «этот римский всадник, — по утверждению Монестье, был после Креза вторым великим «миллиардером» Древнего мира. Он пользовался доверием императора Августа и стал покровителем искусств и изящной словесности. Его щедротами пользовались среди прочих Вергилий, Гораций и Проперций»²¹.

Но говорить о свободном экономическом предпринимательстве в достаточном смысле мы можем, пожалуй, лишь начиная с эпохи массового промышленного производства, которое берет отсчет не ранее Нидерландской революции XVI века. Сколь бы ни были богаты некоторые персонажи более ранней истории, сама структура собственности в прежние времена настолько отличалась

от современной, что людей типа Креза и Мецената невозможно полноценно сравнивать с теперешними предпринимателями. Образ же миллиардера со всеми присущими ему чертами характерен, по сути дела, только для современного мира. Его появление связано с двумя феноменами, возникшими лишь в XIX веке и утвердившимися в веке XX. Какими? Как утверждает Монестье, это: 1) капитализм, который, в свою очередь, был порожден появлением промышленности, и 2) массовая пресса, возникшая, к примеру, во Франции не ранее эпохи Третьей Республики.

Начиная же с XVI века, развитие торговли, возникновение предкапиталистической экономики и влияние Реформации постепенно заставило христиан позволять себе определенные вольности с теми евангельскими заповедями, которые слишком мешали денежным делам. До этого христианская церковь костром и мечом утверждала мораль, несущую настоящую анафему деньгам. Не без основания считалось, что деньги позорят. И обладание ими по сей день вызывает в памяти древние проклятия.

В Средние века церковь предавала анафеме ростовщичество и ростовщиков, которые извлекали из сего занятия баснословные барыши и катастрофическую репутацию. «Получив даром, даром и отдайте», — гласит библейское изречение. Тогда профессия банкира существовала в вопиющем противоречии с евангельским предписанием. Отдача денег займы должна основываться не на выгоде, а на милосердии. Конечно, с течением времени и вследствие экономических причин церковь несколько ослабила строгость запрета.

Церковь выстроила вообще много препятствий на пути свободы. И либерализм как доктрина свободы сделал немало для реального воплощения свободы в жизнь обычного человека, в том числе в борьбе с церковью, прежде всего с христианством, точнее, католицизмом как стержневым носителем духа средневековья, — непосредственным противником

либерализма в Европе, где последний произрастал и становился на ноги.

«Либерализм ограничивает свое внимание всецело и исключительно земной жизнью и земными стремлениями, — отмечает Мизес. — Царство религии не входит в этот мир. Таким образом, либерализм и религия могли бы существовать бок о бок, не имея точек соприкосновения. То, что им суждено было прийти к неприятию друг друга, не было виной либерализма. Он не переходил границ своей сферы и не вторгался во владения религиозной веры или метафизической доктрины. Тем не менее он столкнулся с церковью как политической силой, претендующей на право регулировать в соответствии со своими взглядами не только отношения человека с грядущим миром, но также и дела мира нынешнего. Именно здесь и пришлось развернуть боевые порядки»²².

Вернемся, однако, к средневековой Европе, где хозяйственная деятельность представляла преимущественно частное дело крестьянина, ремесленника, владельца сеньора или в крайнем случае города. Но, в противоположность весьма распространенному сегодня мнению, коммерция как предпринимательство в сфере торговли и вид хозяйственной активности не была тогда занятием, несовместимым с дворянским достоинством. Многие фамилии старинного рыцарства, особенно на юге Франции и в итальянских городах, занимались коммерцией, которая считалась не только не унижительной, но стала по существу одним из способов достижения дворянства. Людовик XI хотел даже было открыто узаконить этот вид достижения социальных привилегий, но был остановлен категорическим вето Папы. Тем не менее уже в XVII веке Людовик XIV подтверждает, что дворяне могут безбоязненно заниматься торговлей, но продавать товар только большими партиями «в тюках и ящиках и не содержать лавок». Однако и до этого, уже в XV веке, появляются личности, представляющие собой исключения из правила: на историческую

сцену выходят люди, которых позже называют «первопроходцами капитализма». Личностью, наиболее яркой из них, был француз Жак Кер (1395–1456). Этого человека можно считать первым предпринимателем средневековой Европы. Он блистал не только на поприще «импорта—экспорта», но был еще и судовладельцем, и сам себе банкиром. Этот предприниматель допустил лишь одну оплошность — родился на четыреста лет раньше нужной ему эпохи²³.

Окончание Средневековья, Возрождение, начало Нового времени ознаменованы, таким образом, созданием разветвленной системы товарообмена, расширением сфер общественных и индивидуальных потребностей, выходящих за пределы, необходимые только для поддержания физического существования; это время ознаменовано широким применением денег как универсального средства обмена. Именно та эпоха делает предпринимательство значимым явлением, неотделимым от производства и постепенно становящимся знаменем времени.

2. Феномен предпринимательства.

Опуская историю длительной эволюции предпринимательства, вместе с которой формировался, поднимался в полную силу и рост также феномен науки, остановимся на современном значении рассматриваемого явления.

Термин «*предприниматель*» впервые введен французским экономистом Ришаром Кантиллоном, жившим в начале XVIII века. С тех пор это слово обозначает человека, который берет на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или с разработкой новой идеи, новой продукции или нового вида услуг, предлагаемых обществу²⁴. В Толковом словаре В. И. Даля, созданном в 1861–1866 гг., отмечается: «*Предпринимать* означает затевать, решаться, исполнять какое-либо новое дело, приступить к совершению чего-либо значительного». «*Предприимчивый* означает

склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам, смелый, решительный, отважный на дело этого рода»²⁵.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет, что «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»²⁶.

Таким образом, *предпринимательство* — это организационно-хозяйственное творчество, которое коренным образом отличается от простой деловой активности, основанной на использовании готовых и проверенных схем действий. Творческий, новаторский характер предпринимательства придает особый статус ее носителю — личности, которая не «подстраивается», как это происходит у менеджера, руководителя уже созданной компании, под формы налаженного производства.

Предпринимательство вообще не сводится лишь к сфере свободной экономической деятельности, но распространяется на все социальные области, где свобода, поиск нового и способность творить являются если не нормой для большинства, то, по крайней мере, доступны творческому меньшинству, что также есть неотъемлемый принцип в концепции либерализма. Предприниматель должен обладать множеством черт, которые характеризуют его по сути. Это деловитость, профессионализм, инициативность, ответственность, творчество, умение мыслить масштабно, решать «нестандартные» задачи, работать с людьми. Их можно насчитать еще очень много. Но какие принадлежат предприимчивой личности вообще, а какие — только предпринимателю в подлинном смысле?

Чтобы ответить, необходимо увидеть место предпринимателя в процессе производства товаров и услуг. Он не выступает здесь только в качестве *инвентора*²⁷, т. е. человека, генерирующего новые

идеи. Хотя такая деятельность предпринимателю вовсе не заказана. Его тоже может осенять новая, инновационная²⁸ мысль, и он может размышлять над тем, как воплотить свою идею в осязаемые формы собственного дела. Однако генерация новых идей — это не главное занятие предпринимателя. В такой сфере он пребывает как бы «по случаю», и в этой ситуации предстает не в качестве собственно предпринимателя, а проявляет себя как изобретатель.

3. Предпринимательство и менеджмент.

Предприниматель может включаться в процесс оперативного менеджмента, т. е. управления делами созданной компании, воплощающей какую-либо инновационную идею. Но здесь он действует в качестве другого специалиста — менеджера. Предпринимателю не заказано быть управляющим. Однако сущностное поле его деятельности лежит между деятельностью изобретателя и менеджера. Основная функция предпринимателя — в выборе перспективной идеи, определения способа достижения, а затем — реализация ее таким образом, чтобы в этом процессе продуктивность инновационной идеи не угасала, а постоянно возрастала. И в этом смысле настоящий предприниматель очень близок по роду своей деятельности и по применяемым методам к военачальнику в период масштабной фронтальной операции.

Отсюда следует, что особенности личности предпринимателя связаны не просто с умением рисковать, а прежде всего с выбором инновационной идеи, со способностью определять перспективность ее реализации с точки зрения экономического и обязательно социального успеха, взятых в единстве. Последний момент очень важен. Его с необходимой точностью подмечает Наполеон Хилл в своей книге о бизнесе. «Прежде чем что-нибудь получить, — подчеркивает автор, — нужно что-то отдать. Когда миллионеры поняли это, пиратский бизнес превратился в

предпринимательство, работающее на общество и вместе с обществом». «И такое предпринимательство до сих пор более выгодно», — заключает он²⁹.

Новаторство, пожалуй, вторая, сущностная черта предпринимателя. Инновационная деятельность накладывает свой отпечаток на все другие черты предпринимательской личности. Возьмем для примера такое качество предпринимателя, как творчество. Будучи предельно широкой, категория «творчество» характеризует различные виды деятельности, начиная с рационализаторства и кончая художественным восприятием и преломлением действительности, отраженным в скульптуре, живописи и т. д. Как для художника, так и для предпринимателя, творчество — дело не любительское, а профессиональное. Значит, такая дифференциация творчества — первое, что уточняет содержание его как одной из черт предпринимателя.

Но профессионализм также бывает разным. Если для водителя автомобиля профессионализм есть знания, умения и навыки, то *предпринимательский профессионализм* — это прежде всего *умение творить*, превращая идею в осязаемые формы — проекты, а затем — в реальные товары и услуги. Здесь воображение выступает как особое видение в одном случае — неординарных путей и способов достижения успеха, в другом — новых путей и способов производства товаров и услуг. Такой тип творчества нельзя спутать с каким-либо иным.

Предпринимателем, как мы уже отметили, в таком смысле может быть не только производитель и промышленник, но и книгоиздатель, создатель услуг, новых видов торговли, художник-дизайнер и домохозяйка, менеджер и студент. Словом, дорога в предпринимательство открыта для всех. Но именно эта «размытость» понятия часто обманывает исследователя. Известно, например, что в США до миллиона человек ежегодно открывают собственное дело, решаясь

испытать себя на этом поприще. Немалое их число также и сегодня в России, хотя точную цифру обнаружить труднее. Подавляющее большинство из них в тот же год обнаруживают, что это не их призвание. На плаву остаются немногие. В первую очередь те, кто умеет творить и находить новые пути для достижения успеха.

Итак, предпринимателя нельзя путать с менеджером, руководителем. Личный риск, реакции на финансовые возможности, желание упорно и долго работать, не считаясь с отдыхом, то есть все то, что традиционно считается чертами хорошего предпринимателя, вовсе не обязательно свидетельствует о возможности того же человека эффективно управлять людьми. Некоторые предприниматели могут просто не иметь способности или склонности эффективно выполнять управленческие функции, такие как планирование, организация, мотивация и контроль.

«Успешные руководители в бизнесе, — отмечают американские экономисты О. Коллинс и Д. Моори, — были способны внести организованность в неструктурированную ситуацию и увидеть суть своей организации». Такие руководители умеют принимать решения. У предпринимателей же такая линия поведения прослеживается не всегда отчетливо, утверждают они³⁰.

Кроме того, что предельно важно, успешный руководитель умеет проявлять положительное отношение к власти. Легитимность действий (соответствие их закону) есть для него альфа и омега как предпринимательского менеджмента, так и социального управления. Предприниматель же по своему характеру, кратко говоря, не очень желает признавать власть и подчиняться ей, проявляет неспособность работать под руководством и, как следствие, стремится избежать такой ситуации. Редкий предприниматель может совмещать в себе эти функции, то есть быть умелым руководителем и человеком высокой предприимчивости одновременно.

4. Квазипредпринимательство.

Одна из причин легкости, с которой люди берутся не за свое дело, состоит в размытости понятия «предпринимательство». Его отождествляют с деятельностью предприимчивого человека. Да, предприимчивость как черта свойственна многим: разве торгующие на улице люди не предприимчивы? Из их числа выходит немало способных коммерсантов. Но подавляющее большинство проявляет себя как «квазипредприниматели», ибо их интересует только одно — прибыль как таковая. Классический карикатурный пример квазипредпринимателя приводится в повести Веркора и Коронеля «Квота». Главный герой этой повести умел продавать доверчивым гражданам совершенно не нужные им «крошкособиратели», «сортировщики чечевицы», «машинки для стрижки ковров» и даже «спинопочесыватели с самонаводящейся головкой», не забывая при том брать с покупателей «налог на предметы роскоши!»³¹

Чтобы стать предпринимателями, начинающим в этой области предстоит пройти значительную дистанцию от человека, поглощенного заботой только о личной выгоде, до «социально ориентированного индивидуалиста». Формально предприниматель и «квазипредприниматель» схожи, как две капли воды, поскольку исповедуют индивидуализм как выражение личной свободы. Но настоящий предприниматель при этом еще и социален. Его деятельности свойственна направленность, которая тесно связывает его с обществом.

Нужда общества в подлинном предпринимательстве никогда не снижается³². Это проявляется в поддержке малого и среднего предпринимательства государственными структурами, что в настоящее время стало хоть как-то проявляться, наконец, и в России, робко переходя грань деклараций.

Предпринимателя часто называют бизнесменом. И это верно. Бизнесмен есть родовое понятие, обозначающее человека, имеющего собственное дело, которое

приносит ему прибыль и образует источник богатства. Бизнесмен в полном смысле есть, по Адаму Смиту, *человек экономический* — *Homo economicus*. Он может быть торговым посредником и организатором производства, биржевиком и банкиром, владельцем маркетинговой, дистрибьютерской, консультационной или какой-либо еще деловой фирмы. Словом, бизнес — это та сфера деятельности, в которой взаимодействуют многообразные человеческие способности, присущие предприимчивым людям.

Множество людей воспринимают предпринимательство как совокупность черт, привлекающих внешней стороной: большие деньги, автомобили модных марок, благотворительная деятельность, спонсорство, стоимость которых исчисляется в миллионах. Что же касается внутреннего содержания предпринимательства как особого рода деятельности, то оно в значительной мере «прикрыто». Поэтому предприниматель понимается массовым сознанием, как правило, упрощенно. На наш взгляд, именно отсюда проистекают не только ошибки людей, соблазненных «красивой» жизнью, но и многочисленные деформации имеющиеся в сфере российского предпринимательства. Обыденное сознание, привыкшее скользить по поверхности явлений, как правило, не имеет достаточных фактов окружающей действительности, чтобы убедиться в том, что индивидуализм настоящего предпринимателя социально ориентирован, то есть направлен на пользу общества.

Страсть к наживе стара как мир и известна всей истории человечества, говорит М. Вебер. Но отнюдь не те люди, что полностью отдавались этой склонности, наподобие некоего голландского капитана, «готового ради прибыли заглянуть и в ад, пусть даже при этом будут спалены паруса», были представителями того образа мыслей, из которого возник специфически современный «дух капитализма» как массовое явление, заключает он³³. Немецкое слово «*Beruf*» имеет

двойной перевод — *профессия* и *призвание*. Социальная почва, в которой произрос Макс Вебер, позволила ему отчетливо почувствовать предпринимательство в единстве его как профессии и как духовного призвания. «*Идеальный тип*» капиталистического предпринимателя, к которому стремятся в Германии, не имеет ничего общего с чванством, говорит он, ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна известная аскеза, отчетливо проступающая в делах. В характере предпринимателя обнаруживаются сдержанность и скромность, значительно более искренние, чем обычная бюргерская умеренность. Богатство такому предпринимателю ничего не дает, разве что ощущение хорошо исполненного долга в рамках своего призвания (*Beruf*), резюмирует Вебер³⁴.

5. Социальный индивидуализм.

Итак, предприниматель — это социально ориентированный индивидуалист. Им движет известный *эгоистический интерес*. Но «нет никаких оснований считать, что «эгоистический интерес» всегда прост и очевиден», — утверждает один из лучших продолжателей социальной концепции Вебера Талкотт Парсонс в работе «Мотивация экономической деятельности». «Напротив, — подчеркивает он, — это исключительно сложное явление...»³⁵. «Эгоистический интерес» индивида включает в себя, по мнению Парсонса, комплекс составных частей, напрямую связанных как с этическими предпочтениями индивида, так и с его психологическими характеристиками. На первое место социолог ставит «удовлетворение». «Индивиды бывают заинтересованы в тех предметах и способах поведения, которые приносят им удовлетворение», — отмечает Парсонс. «Одной из важных составных частей удовлетворения, — продолжает он, — несомненно,

является то, что называют "самоуважением". «Поскольку моральные нормы реально встроены в структуру личности, — говорит он, — от степени соответствия поведения этим нормам зависит удовлетворение, испытываемое индивидом»³⁶. Парсонс выводит одно качество из другого и в то же время считает их самостоятельными элементами мотивационной деятельности индивида. С самоуважением тесно связано *признание*, продолжает он³⁷. «Получить признание в этом смысле означает: быть объектом уважения со стороны других, чье мнение представляет для индивида ценность», — говорит Парсонс. Итак, не только *страсть к наживе*, но и *удовлетворение*, включающее в себя *самоуважение* и *признание*, образуют необходимый субстрат *эгоистического интереса*, который в свою очередь составляет фундамент *социально ориентированного индивидуализма*. Но и это не все. Следующий, в общей сложности четвертый, мотивационный элемент экономической деятельности и социального поведения индивида — это «удовольствие». Но далеко не только в том смысле, как представляли это себе гедонисты. «Оно может ... присутствовать и в самой деятельности по исполнению экономически значимых ролей; многие люди, — подчеркивает Парсонс, — испытывают истинное удовольствие от своей работы»³⁸.

«Установка на "эмоциональную привязанность" (affection) к другим человеческим существам» составляет у Парсонса пятый элемент мотивации экономической деятельности и социального поведения индивида. Он чем-то сродни и «эстетическому чувству», а еще в большей степени — «эгоистической заинтересованности в эмоциональном "ответе" других»³⁹.

Таким образом, *эгоистический интерес* — это не только имеющая место пресловутая «страсть к наживе» *Ното эсопотісис* (человека экономического), но и сложный комплекс этико-психологических качеств-элементов, образующих

в совокупности единое *удовлетворение* индивида, включающее в себя *самоуважение, признание, удовольствие, эмоциональную привязанность* индивида как имплицитные, так одновременно и рядоположенные качества.

Но страсть к наживе человека экономического при этом вовсе не отходит в предпринимательской деятельности на какой-то малозаметный задний план. «Денежный доход» является прямым и универсальным ее мерилем. Но не только ее...

«С точки зрения ценностного стандарта, — говорит Парсонс, — наиболее важной основой ранжирования и статуса в экономическом мире следовало бы считать *профессиональные достижения* и лежащие в их основе *способности*. Но в силу разных причин трудно судить о людях исключительно в этих понятиях. Прежде всего достижения по своей природе исключительно разнообразны, и очень трудно сравнивать то, что достигнуто в различных областях деятельности. Поэтому в предпринимательском обществе почти неизбежно получается так, что *денежный доход* в значительной степени превращается в общую меру, которой измеряются такие достижения. Следовательно, *денежный доход* в большей степени можно считать *общепризнанным символом профессионального статуса*. Таким образом, он важен как выражение *признания*»⁴⁰.

Итак, «денежный доход» есть а) универсальный способ выражения профессионального статуса индивида, б) столь же универсальный (за отсутствием других) способ измерения его способностей, и, в конечном итоге, в) универсальный «измеритель» стремления индивида к наживе в предпринимательском обществе.

Сам доход, та самая *нажива*, отмечает Парсонс ниже, связана с *признанием и уважением в глазах окружающих*, в конечном итоге («чем более интегрирована вся ситуация, тем это вернее»), с поддержанием добрых *отношений* с другими⁴¹.

Таким образом, эгоизм экономического индивида обоснованно заставляет

его выстраивать рациональные (до известной меры даже альтруистические) добрые отношения с другими индивидами. Нуждаясь в уважении, он уважает других, добиваясь в предпринимательской деятельности собственной свободы, индивид вынужден конституировать и уважать свободу других.

Но в *слабо интегрированной социальной структуре*, т. е. «структуре, в которой символы признания теряют связь с институционально одобренными достижениями и в которой люди пользуются признанием независимо от соответствующих достижений и, наоборот, имея такие достижения, не получают полагающегося им признания», в такой структуре индивид «чувствует себя вынужденным обеспечивать свои эгоистические интересы способами, несовместимыми со стандартами поведения», — говорит Парсонс⁴². Человек в этом случае вступает в конфликт одновременно и с собой, и с обществом, «и понастоящему счастливого выхода из такой ситуации нет», — итожит Парсонс, словно отвечая на большие вопросы конституирования гражданского общества в России, где интеграция социальных структур, прошедших путь сложнейшего генезиса, только лишь пунктиром обозначила свой будущий грандиозный контур.

Но в целом «эгоистический интерес» как сложный комплекс индивидуальных качеств не может не порождать то интегративное образование, которое мы выше назвали социальным, или «социально ориентированным индивидуализмом». И этот феномен требует разъяснения. Напомним, здесь мы говорим не только о человеке экономическом в предпринимательском обществе, но прежде всего о предпринимателе как концентрированном выражении этого общества.

Под социальным индивидуализмом предпринимателя понимается комплекс черт, включающих предпринимателя в работу не только на свое, но и на общественное благо. В том выражается *граж-*

данственность предпринимателя. Известно, что гражданин в государстве, с одной стороны, наделяется правами, дающими возможность осуществлять себя в каком-то виде деятельности, быть защищенным законом от посягательства на свободу, личную жизнь и собственность. У гражданина есть также и другие блага имущественного и духовного свойства. С другой стороны, государство обязывает граждан взамем служить общему благу: соблюдать закон, нравственные нормы, проявлять уважение к символам, традициям народа — всему, что составляет ценности данного общества.

Гражданственность предпринимателя есть выполнение им обязанностей перед обществом, что выражается не только в уплате налогов. Будучи свободным, предприниматель одновременно и не свободен, так как свобода предпринимателя в хозяйственном плане ограничена сферой его гражданских обязанностей. Именно этот смысл несет в себе социальный индивидуализм. Разумеется, он свойствен не только предпринимателю. Подобные качества характеризуют многих людей и абсолютное большинство профессий. Однако для предпринимателя «социальный индивидуализм» — существенная черта его деятельности. В конечном итоге это проявляется в реализации его способностей, дарований, талантов, направляемых общественным мнением, законом и государством на достижение полноценного единства экономического и социального эффекта от деятельности данного предпринимателя, в целом — предпринимательства как социального института.

Это просматривалось даже «на заре капитализма». Так, к примеру, современник Шекспира, физиократ Уильям Петти, был человеком неуемной жажды жизни, принимавшей самые причудливые формы⁴³. Богатство и почести представляли для него не самоцель, а настоящий спортивный интерес. А спортивные состязания, как известно, проводятся по жест-

ким и строгим правилам. В декабре 1650 года Петти стал свидетелем, как по варварским законам того времени была повешена крестьянская девушка, соблазненная молодым сквайром и обвиненная в убийстве своего ребенка. (Впоследствии выяснилось, что была она невиновна). После установления факта смерти тело ее было положено в гроб. В тот момент на месте действий и появился профессор кафедры Оксфордского университета доктор Петти со своим помощником. Цель их состояла в том, чтобы забрать труп для анатомических исследований. К своему изумлению, врачи обнаружили, что в повешенной теплится жизнь. Приняв срочные меры, они «воскресли» ее! Далее Петти совершил *три действия*, которые характеризуют не только его как социально ориентированного предпринимателя и эгоиста одновременно, но во многом характеризуют и предпринимательство как социальное явление. Во-первых, Петти проделал серию наблюдений не только над физическим, но и над психическим состоянием необычной пациентки и четко зафиксировал их (*профессионализм*). Во-вторых, он проявил не только врачебное искусство, но и подлинную *человечность*, добившись от судей прощения Энн Грин (так звали девушку) и организовав сбор денег в ее пользу. И, в-третьих, со свойственной ему деловой хваткой, он использовал все происшедшее для громкой *саморекламы*.

Итак, профессионализм, гуманизм и одновременно реклама — это важные черты «социально ориентированного индивидуализма». В цивилизованном предпринимательском обществе минули времена разгула асоциального эгоизма, производства услуг и товаров вроде «крошкособирателей» и «машинок для стрижки ковров». Современное общество выставило заслон на пути подобного и иных видов квазипредпринимательства, сосредоточив в себе суть «социально ориентированного рынка». Если предприниматель или какой-либо вид бизнеса

в целом асоциален, то он воспринимается обществом как аномалия и поднимает стену общественной блокады и государственно-правового насилия. «Без принуждения и насилия против врагов общества не может быть никакой жизни в обществе», — без какого-либо остатка на двусмысленность подчеркивает Л. Мизес с присущим ему даром предельно ясного изложения. «Мы называем аппарат принуждения и насилия, который заставляет людей придерживаться правил жизни в обществе, государством. Правила, в соответствии с которыми действует государство, — законом; а органы, на которых лежит ответственность за управление аппаратом принуждения, — правительством», — завершает он⁴⁴.

И, наоборот: общество приветствует социально ориентированное предпринимательство, несущее благо не только предпринимателю и его компании, но также рядовому индивиду и гражданину данного государства, что в свою очередь создает небезвыгодную рекламу предпринимателю, как историческому Уильяму Петти, так и современным его последователям в обществе, где благотворительность рассматривается как *долг преуспевающих граждан*. Такова суть социально ориентированного индивидуализма.

Итак, «предприниматель» и «менеджер» не есть синонимы. Основы американской индустрии были заложены горсткой смелых предпринимателей в конце XIX — начале XX века⁴⁵. Это: Джон Д. Рокфеллер (нефть), Дж. П. Морган (сталь и банковское дело), Эндрю Меллон (алюминий), Эндрю Карнеги (сталь), Генри Форд (автомобили). Не менее известны и выдающиеся предприниматели последних десятилетий: Дж. Пол Гетти (нефть), Х. Л. Хант (пищевая промышленность), Аристотель Онассис (суда), Эдвин Х. Ленд (корпорация «Полароид»), Джон Д. Мак'Артур (страхование), Тэд Тернер (телекорпорация «Си-эн-эн»), Генри Росс Перо (информационное компьютерное обеспечение).

Выводы.

1. Таким образом, *эгоистический интерес* как первая сущностная черта предпринимательства — это не только имеющая место страсть Homo oeconomicus (человека экономического) к приобретательству, «страсть к наживе»; в сущности своей эгоистический интерес — это сложный комплекс этико-психологических и онтологических качеств, первым из которых следует назвать наиболее емкое из них — *удовлетворение* индивида, которое может иметь самые разнообразные формы проявления. Удовлетворение предпринимателя, включенного в систему *социального действия*, порождает и свои производные, которые в свою очередь порождают качественные черты предпринимательства.

2. Важнейшей из черт предпринимательства является *творческое новаторство*, неотъемлемый атрибут и сам критерий *свободы* индивида. Сотворение ранее не бывшего есть воплощение самого смысла человеческой жизни.

3. Новаторство и свобода невозможны без *риска*. Таким образом, третье, во многом производное от творчества и новаторства качество предпринимательства, заключается в том, что деятельность предпринимателя неизменно связана с риском за успех своего дела. Риск, вероятность действий, неопределенность будущего — также субстрат свободы, отсутствующей там, где все абсолютно детерминировано. В этом отношении предпринимательство как феномен следует назвать самой свободной областью социального действия.

4. Четвертая черта предпринимательства — *рациональная* способность оце-

нивать реальность встающих задач, возможностей и намеченных планов. Вне этого типа рациональности не возможен ни риск, ни само новаторство. Эмоциональность поведения, интуитивность принятия решений, безусловно, также окрашивают, характеризуют предпринимательскую деятельность. Но вне рационального образа мысли и действий, сами по себе они мало что значат.

5. Пятый сущностный критерий предпринимательства — «направляющая свободу» *ответственность* предпринимателя за принимаемые решения и последствия своей творческой и новаторской деятельности. Ответственность — неотъемлемая сторона свободы. Безответственность есть псевдосвобода, угрожающая насилием или откровенно его применяющая.

6. Названные качества предпринимательства проявляются как *профессиональные*, так как в абсолютном большинстве случаев нельзя быть предпринимателем-любителем в любом виде управленческой, экономической, организационной деятельности.

7. Итоговый, важнейший, субстрат предпринимательства — весомая *осязаемость обществом всей предпринимательской деятельности*, как, к примеру, изменившее быт человека внедрение массового производства автомобиля знаменитым Г. Фордом в начале XX века⁴⁶. В сфере квазипредпринимательства эта *осязаемость* может выступать как угрожающее жизни *насилие*, как, например, незабываемые «пирамиды» от «МММ» и прочих паразитических бизнес-фирм. Поэтому феномен насилия в предпринимательстве достоин отдельного рассмотрения⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Там, где имеет место эта разделенность, — говорит Тоффлер, — возникает рынок...». См.: Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1981. P. 276.

² См.: Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 334–353.

³ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. / Пер. с нем. М., 1990. С. 79.

⁴ *Владение* (или *possession*), говорит Ричард Пайпс, означает реальное обладание имуществом при отсутствии на то формального права. То есть владение есть собственность *de facto*, но не *de jure*. См.: Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 14. (*Richard Pipes. Property and Freedom. Alfred A. Knopf, New York, 1999.*)

⁵ *Собственность* (*property*), говорит Пайпс там же, означает формально признанное государственной властью право данного человека или людей как на исключительное, без чьего-либо участия, пользование своим имуществом, так и на любой способ распоряжения им, включая продажу. Таким образом, собственность от владения отличается тем, что собственность является правом, защитниками которого выступают общество и государство.

⁶ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. / Пер. с нем. М., 1990. С. 279.

⁷ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 89.

⁸ См.: Там же. С. 53.

⁹ См.: Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 20. Как пишет Пайпс, «себя Гесиод тоже считал жертвой насилия: его ограбил, а именно лишил доли в наследстве, брат». — Там же. С. 380.

¹⁰ См.: Трубинов Н. Н. Время человеческого бытия. М., 1987. С. 125.

¹¹ Античный способ производства в источниках. Л., 1933. С. 515. Демокрит из Абдер, род. ок. 460 г. до н. э., по некоторым сообщениям прожил свыше ста лет. Был многосторонним ученым и плодовитым автором: каталог его сочинений у Диогена Лаэртия содержит до 70 названий, охватывающих все области знаний того времени.

¹² См.: Платон. Государство // Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. Свои идеи Платон вложил в уста Сократа, якобы отстаивавшего концепцию исключительно «общего блага» без частной собственности. См.: Платон. Государство. Книга пятая. «Соотношение своего и общего в государстве». С. 238–239.

¹³ См.: Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 20.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 375–644.

¹⁶ См.: Там же. С. 418–420.

¹⁷ «Но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что скорее уж следует уравнивать человеческие вожделения, а не собственность. А этого возможно достигнуть в том случае, когда граждане будут надлежащим образом воспитаны посредством законов», — говорил Аристотель. См.: Аристотель. Политика. С. 420.

¹⁸ Там же. С. 411.

¹⁹ См.: Аникин В. А. Юность науки. М., 1985. С. 23–25.

²⁰ Аристотель. Политика. С. 392–393.

²¹ Монестье А. Легендарные миллиардеры. СПб., 1996. С. 20.

²² Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 2001. Гл. 12. Веротерпимость. «Победа, одержанная либерализмом в этом конфликте, — резюмирует Мизес, — была столь решительной, что Церковь вынуждена была раз и навсегда отказаться от тех требований, на которых энергично настаивала в течение тысячелетий. Сжигание еретиков, преследования инквизиции, религиозные войны — все это сегодня принадлежит истории. Никто сейчас не сможет понять, как мирных людей, которые соблюдали свои религиозные обряды так, как они считали правильным, в четырех стенах своего собственного дома, могли привлекать к суду, заключать в тюрьмы, мучить и сжигать. Но даже если костров больше нет *ad maiorem Dei gloriam* [к вящей славе Божьей (лат.) — Прим. пер.], нетерпимости по-прежнему хватает». «Церквам, — заключает Мизес, — может и должно быть отдано все, что предоставляют им приверженцы по собственной доброй воле. Им не может быть позволено ничего в отношении тех людей, которые не хотят иметь с ними ничего общего».

²³ См.: Монестье А. Легендарные миллиардеры. С. 17–33.

²⁴ См.: Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. С. 44–45.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. М., 1994. С. 346.

²⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Ст. 2. Отношения, регулируемые гражданским законодательством. См. там же: Ст. 21. Предпринимательская деятельность гражданина. (Часть первая принята Государственной Думой 21 октября 1994 года.) См.: Текст документа с дополнением, внесенным: Федеральным законом от 20 февраля 1996 года № 18-ФЗ (Собрание за-

---

конодательства РФ № 9, 26 февраля 1996 года, ст. 773); Федеральным законом от 12 августа 1996 года № 111-ФЗ (Собрание законодательства РФ, № 34, 19 августа 1996 года, ст. 4026).

²⁷ См.: Человек и общество. Ростов-н/Д., С. 292.

²⁸ Инновация тем отличается от новации, что последняя есть процесс обновления старого. Инновация же — такое новое явление, которое «растет» далее уже по собственным законам и коренным образом отличается от того старого, на почве которого первоначально возникло.

²⁹ Хилл Н. Думай и богатей. М., 1996. С. 57.

³⁰ См.: Collins O., Moori D. The Enterprising Man (Michigan State University: Bureau of Business and Economic Research, 1964). P. 239–240.

³¹ См.: Веркор и Коронель. Квота, или «Сторонники изобилия» // Веркор и Коронель, Перек Ж., Кюртис Ж.-Л., Ремакль А. Французские повести. М., 1984. С. 19–222. Это повесть о философии предпринимательства в торговле как нравственно-экономической деятельности.

³² См.: Cooper A. C. Entrepreneurship and High Technology // The Art and Science Entrepreneurship. Cambridge, M. A., Ballinger Publishing Co., 1986. P. 153–158.

³³ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 79.

³⁴ См.: Там же. С. 90.

³⁵ Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности. // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 340.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 340–341.

³⁸ Там же. С. 341–342. «Удовольствие или его источники, — подчеркивает Парсонс, — это, вопреки предположениям классических гедонистов, не биологически заданная константа, а функция общего личностного равновесия индивида». «На него ...оказывают огромное влияние эмоциональные состояния индивида, а через них — весь комплекс социальных отношений и условий». С. 342. (Курсив мой. — авт.)

³⁹ Там же. С. 342. (Курсив мой. — авт.)

⁴⁰ Там же. С. 343. (Курсив мой. — авт.)

⁴¹ См.: Там же. С. 345.

⁴² Там же. С. 352.

⁴³ См.: Аникин А. В. Юность науки. С. 74, 56-57.

⁴⁴ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 2001. Гл. 7. Государство и правительство.

⁴⁵ См.: Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. С. 44.

⁴⁶ См.: Форд Г. Моя жизнь, мои достижения // Управление — это наука и искусство. М., 1992.

⁴⁷ См.: Гелих О. Я. Военные методы в бизнесе. СПб.; М., 1999.

O. Gelikh

BUSINESS AS A SOCIAL PHENOMENON

The author proves that the phenomenon of socially focused business — phenomenon of the integrated liberal society, nevertheless, onset of business activity can be derived from the depth of centuries. «Egoistical interest» of the individual as substance of business is not only obsession of Homo economicus to business, «profit gaining obsession», but it is also a complex of ethic-psychological and ontological qualities where individual satisfaction is considered to be the first. Given integrated quality is capable to manifest itself in the diversified forms of individual behaviour and social action. The author analyzes a history of development of business along with economic and social science from a middle ages up to now. In clause the concept of «business» correlates with the concept of «management». The author analyzes the reasons presented in the society «quasi-business undertakings» as a social aspiration to gaining a profit. It draws a conclusion that «the socially focused individualism» — feature which is inherent in an activity of the businessman. The major of enterprise features are (permanently connected with risk) creative innovation, responsibility for making decisions and the consequences of the creative activity. These qualities of business appear to be professional. The paramount substance of business is considerable palpability by society of the enterprise innovation activity.